

— Нѣтъ.

— Пожалуйста, выйдите, чтобы переговорить со мной.

Она появилась въ дверяхъ и ожидала, что онъ ей скажетъ.

— Я долженъ попросить васъ пожертвовать своими чувствами. Когда я вчера вечеромъ удалялся отъ васъ въ гостиной... когда мое странное поведеніе заставило васъ опасаться: не оскорбили ли вы меня чѣмъ-нибудь... я старался не забыть, чѣмъ обязанъ своей доброй женѣ. Теперь я опять о ней думалъ. Мы должны спасти ее отъ такого жестокаго открытія, которое трудно перенести, когда гости требуютъ ея вниманія. Черезъ недѣлю они разѣдутся. Согласны ли вы до тѣхъ поръ спасти приличія? Согласны ли вы жить съ нами, какъ будто бы ничего не случилось?

— Хорошо, м-ръ Линлей. Я прошу только одной милости у васъ. Худшій мой врагъ, мое собственное, скверное, испорченное сердце. О! неужели вы не понимаете меня? мнѣ стыдно на васъ глядѣть.

Ему стоило только заглянуть въ собственное сердце, чтобы понять то, чего она не договариваетъ.

— Довольно, — грустно отвѣтилъ онъ: — мы будемъ держаться такъ далеко другъ отъ друга, какъ только можно.

Она вздрогнула при этомъ открытомъ признаніи виновной любви, соединившей ихъ, несмотря на весь ужасъ, какой она имъ внушала, и искала убѣжища въ бесѣдѣ. Ни одного слова больше не было сказано между ними, пока въ тишинѣ утра не послышалось, какъ отпирались двери дома, и не взвился дымъ надъ кухонной трубой. Тогда онъ опять пришелъ и сказалъ ей:

— Вы можете вернуться въ домъ. Идите черезъ парадный подъѣздъ, и вы не встрѣтите никого изъ слугъ въ этотъ ранній часъ. Если же они и увидятъ васъ, что вы въ пальто, они подумаютъ, что вы ходили гулять ранѣе обыкновеннаго. Когда вы пройдете мимо боковой двери, то отложите засовъ, и мнѣ можно будетъ войти въ домъ.

Она молча наклонила голову. Онъ поглядѣлъ ей вслѣдъ, когда она поспѣшно проходила по лугу, сознавая, что любитъ ее, сознавая, что чувство его сильнѣе, нежели онъ смѣетъ въ томъ признаться самому себѣ. Когда она скрылась изъ глазъ, онъ вошелъ въ бесѣдку, гдѣ она передъ тѣмъ дождалась. При всемъ сознаніи своего долга относительно жены, онъ все еще живо помнилъ роковой поцѣлуй. „Какой я негодай!“ — сказалъ онъ самому себѣ, стоя въ бесѣдкѣ и глядя на кушетку, съ которой она только-что сошла.